

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ НОВОДВИНСКОЙ КРЕПОСТИ

Перед началом подготовки выставки по истории Архангело-городской Новодвинской крепости, открывшейся 23 июня 2006 г. в Архангельском областном краеведческом музее, нам пришлось столкнуться со старой проблемой больших пробелов в истории крепости. Попытка систематизации ранее введенных в научный оборот и имеющихся в музее материалов показала невозможность воссоздания сколько-нибудь целостной исторической картины событий.

Наибольшее количество публикаций по истории Новодвинской крепости пришлось на конец XIX—начало XX века, когда в Архангельске, как и во всей Российской империи, торжественно отмечались 200-летние юбилеи петровских побед.

Возрождению в советское время интереса к Новодвинской крепости способствовал известный телевизионный фильм, снятый по одноименной книге Юрия Германа «Россия молодая».

Серия работ конца XX века основывалась на ранних публикациях, зачастую не подкрепленных архивными источниками, и носила преимущественно популистский, а порой и скандальный характер. Однако в девяностых годах произошел значительный прорыв в исследованиях благодаря книге Ю.Н. Беспятого «История знаменитого сражения: Шведская экспедиция на Архангельск в 1701 году» и сборнику документов «Тревожные годы Архангельска 1700—1721», которые ввели в научный оборот значительное количество архивных документов, касающихся, в

частности, истории первых лет строительства крепости и сражения со шведской эскадрой 25 июня 1701 г.

Однако фрагментарность материалов и практически полное отсутствие в научном обороте чертежей и документальных изображений крепости не позволяли полностью воссоздать ни картину событий, ни реконструировать внешний облик памятника.

Попробуем разобраться в причинах этого.

Первая попытка обследования и научного описания сохранившихся крепостных сооружений была предпринята академиком архитектуры П.П. Покрышкиным по заданию Российской Императорской археологической комиссии в 1913 г. Тогда же по его инициативе было впервые принято решение о необходимости реставрации крепости как выдающегося памятника петровской эпохи.

С тридцатых годов XX века историческая территория крепости была занята заводом и различными исправительными учреждениями, что сделало невозможным какое-либо систематическое исследование и мониторинг состояния памятника, который продолжал разрушаться как под воздействием времени и сил природы, так и от варварского к нему отношения людей. В пятидесятые годы прошлого века изучением самой крепости и ее истории занялся бывший ссыльный поселенец, писатель и философ, а в те годы инженер промышленной зоны колонии А.В. Уйттенховен. Однако невозможность его работы в центральных архивах осложнила и значительно ограничила исследование.

Не повезло и историческим документам, относящимся к этапу строительства и всему периоду первой половины XVIII века в истории крепости. Часть бумаг погибла в огне. Вот что написал Василий Крестинин в «Краткой истории о городе Архангельске»: «1779 года декабря 10 дня, около 10 часов пополуночи, в архиве Архангельской губернской канцелярии палате, загорелось от печи; огонь немедленно начал пожирать бумаги, продолжался более полусуток и истребил все старинные воеводского правления дела...»¹

Сохранившиеся документы на сегодняшний день разбросаны по многим архивам и музеям Архангельска, Москвы и Санкт-Петербурга. Известно, что определенная часть архивов попала

за границу России и в последние годы бесследно исчезла, в частности и где-то в современной Эстонии.

Именно поэтому историкам, изучающим историю крепости, приходится собирать разрозненные крупицы сведений в самых разнообразных и неожиданных источниках. Несомненно, что отечественные архивы таят в своих хранилищах еще огромный пласт интересных и совершенно неизученных документов, которые еще предстоит обнаружить.

Большое внимание к крепости в период ее расцвета со стороны российских монархов было совершенно естественно. А вот последовавшее после ее упразднения быстрое забвение было вызвано многими, порой совершенно малозначительными, факторами. События 25 июня 1701 г., когда в правление Петра I русская армия впервые победила шведов, совершенно выпали из российской историографии всего лишь потому, что в этом важнейшем событии не принимал личного участие царь и никто из его близкого окружения.

Упразднение крепости во время составления Ф.Ф. Ласковским его «Материалов для истории инженерного искусства в России» вызвало, вероятно, пренебрежительное отношение к ней и породило введенный им уничижительный термин «крепостца»². А ведь именно этот фундаментальный труд Ф.Ф. Ласковского стал основой для последующих трудов по истории фортификации, в которых Новодвинская крепость зачастую попросту игнорировалась.

Забвение исторических фактов и отсутствие достоверного исторического описания событий породило большое число широко известных легенд и слухов, связанных с событиями вокруг истории крепости.

Победа над шведами и подвиг Ивашки Седунова (Рябова) долгое время оставались только в сказках и легендах, несмотря на высочайшую оценку этого события, данную Петром Великим. Сама сказка об Иване Рябове имеет, как и положено, счастливый конец: царь, приехав в 1702 г. в Архангельск на строительство крепости, освободил героя-помора, подарил ему кафтан с царского плеча и освободил навечно от налогов.

Изменения, вносимые в первоначальный проект самим Георгом Резе, и его особый статус при царе Петре I, а также даль-

нейшие регулярные ремонты и реконструкции породили устойчивые слухи о длинных подземных ходах, как выходящих за пределы крепости за рвом, так и опоясывающих крепость по периметру. А неплохая, до последнего времени, сохранность наружной облицовки уцелевших стен и условия, в которых они находятся, породили устойчивые легенды о необычной технологии строительства.

В ходе проведенных архивных изысканий выявлены ранее неизвестные и неизученные массивы исторических документов. Обнаруженные в архивах чертежи и бумаги разных лет и тщательное обследование сохранившейся части сооружений позволили сформировать экспозицию проходящей в музее выставки. И теперь можно уверенно заявить о том, что у нас появляется возможность на основе новых документов заполнить многие пробелы в истории крепости и событиях, связанных с ней.

Большой объем нового материала еще предстоит опубликовать, и мы собираемся это сделать в ближайшее время. На сегодняшний день нами изучены сотни ранее не публиковавшихся чертежей и документов, десятки из которых содержат в себе совершенно новую, ранее неизвестную информацию.

Впервые показаны на выставке в Архангельском областном краеведческом музее такие уникальные материалы, как чертеж церкви Петра и Павла, чертеж сторожевой каменной будки XIX века, которые размещались на углах эскарпных стен крепости. Именно этот чертеж позволил реконструировать внешний облик первого варианта будки по состоянию на начало XVIII века. Обнаружены и подробные чертежи каменных надвратных домов, чертеж деревянной наблюдательной башни — флагштока, чертежи подземных казематов — сутеренов, а также труб и колодцев, снабжавших крепость водой. Найдены чертежи большинства строений, находившихся на территории крепости на форштаге крепости.

В Российском государственном архиве древних актов обнаружен черновик указа царя Петра I об освобождении из-под ареста Ивашки Седунова³, датируемый 21 октября 1701 г. Обнаружены и ранее не публиковавшиеся письма архиепископа Афанасия к Петру, в частности, касающиеся и вопросов строительства крепости⁴, ранее неизвестные доклады А.П. Прозоров-

ского о ходе строительных работ⁵ и о передаче трофейных пушек в подарок Афанасию⁶ и другие.

Найдена большая переписка, которая позволяет утверждать, что поход по «осударевой дороге» не был задуман Петром спонтанно, как утверждают отдельные авторы, в 1702 г. в период его пребывания в Архангельске. Подготовка к нему началась заблаговременно, осенью 1701 г., после разгрома шведов у Новодвинской крепости.

Сегодня мы можем с большой точностью реконструировать сражение со шведской эскадрой у стен строящейся крепости. Эта победа стала поворотным моментом во всей Северной войне. Реконструкция схемы боя представлена нами на выставке в музее. В ее основу положен чертеж Георга Резе⁷, благодаря которому мы можем логически достоверно объяснить все происходившие события и объяснить их последовательность.

Шведская эскадра выдавала себя за караван торговых судов. Ими был захвачен русский военный караул капитана Крыкова, поднявшийся на борт замаскированного шведского флагмана для досмотра. Шведы надеялись захватить в составе караула лоцмана, но просчитались. Лодейного кормщика Ивана Седунова (Рябова) шведы пленили на море.

Командор Лёве поочередно допрашивал капитана Крыкова, переводчика Дмитрия Борисова (настоящее имя Дмитрий Борисович Попов) и кормщика одной из лодей Ивана Рябова (настоящее имя Иван Ермолаевич Седунов). Им предлагали за крупное вознаграждение провести эскадру к Архангельску. Русские отказались; Борисов, впрочем, рассказал о строительстве в устье Двины новой крепости, но ввел шведов в заблуждение относительно ее боеспособности и точного расположения, сказав, что там мало людей и невысокие стены.

На военном совете было решено штурмом взять крепость, а потом идти на Архангельск. Для штурма крепости сформировали передовой отряд, состоящий из шнявы, фрегата и галиота, на которых было 120 человек и 19 пушек. Корабли шли под нейтральными флагами, постоянно промеряя глубину.

Около 18—19 часов шведские суда подошли к Новодвинской крепости. К приходу шведов крепость хоть и не была построена, но на ее месте был создан мощный оборонитель-

ный узел, состоящий из большой батареи — недостроенного флажного бастиона, вооруженной 10 пушками; батареи на Марковом острове, вооруженной 15 пушками; двумя малыми батареями, вооруженными 2 и 3 пушками. Кроме того, был возведен редут для укрытия пехоты и прикрытия позиции с севера, на случай высадки десанта шведами на северной оконечности острова.

Вероятно, около 20 часов для досмотра подошедших судов на карбасе выехал солдатский голова Григорий Животовский, командир Холмогорского гайдуцкого полка, составлявшего гарнизон крепости. Караул уже начал было забираться на борт, но один из солдат увидел спрятанные пушки и шведских солдат, прячущихся на палубе. Отвалив от борта шведского парусника, русский караул поспешил к берегу, чтобы предупредить о приходе неприятеля.

Шведы, поняв, что разоблачены, подняли шведские военные флаги и бросились в погоню, но примерно в 500 метрах от Большой батареи, будущему Флажному бастиону крепости, два их корабля сели на мель носом к крепости.

По этому поводу существует легенда, что шведов специально посадил на мель Иван Рябов. Действительно, Рябов и Борисов находились на борту шведского судна, но при появлении русского караула их закрыли в трюме, а с началом погони расстреляли: Борисов погиб, а Рябов, будучи раненым, притворился мертвым и, улучив момент, прыгнул за борт. Шведы в результате неудачного маневра на незнакомом им фарватере сами сели на мель. Иван Рябов, рискуя жизнью и делая вид, что сотрудничает со шведами, завел корабли в район мелей, со стороны правого берега Маркова острова, откуда их едва ли смог бы вывести даже лучший лоцман, так как разведанный фарватер, по которому могли бы прорваться шведы, находился как раз между строящейся Новодвинской крепостью и левым берегом Маркова острова.

С Большой батареи по шведским кораблям был открыт орудейный огонь, однако расположение кораблей на мели носом к крепости создавало сложности для прицельной стрельбы русским артиллеристам, но и шведы могли стрелять только из пушек, перетащенных на нос, так как в те времена все артилле-

рийские позиции на кораблях были только по бортам. Понимая, что выиграть это сражение они не смогут, шведы пытались снять корабли с мели и уйти.

Для того чтобы понять, как реально происходили события необходимо помнить, что была белая ночь. Солнце в начале баталии находилось над горизонтом на северо-западе и ослепляло батарею Маркова острова. Так что начать прицельную стрельбу со своих позиций на острове артиллеристы могли лишь несколько часов спустя, вероятно, около полуночи, когда солнце отклонилось к северу и далее к востоку. Первые же залпы батарей Маркова острова нанесли очень существенный ущерб двум шведским кораблям. С отливом на абордаж севших на мель вражеских кораблей от крепости солдаты и бывшие там рабочие люди отправились на всех имевшихся в их распоряжении мелких судах, а солдаты с Маркова острова пошли вброд по мели. Поняв всю бесполезность сражения, шведы на уцелевших шлюпках добрались до находящегося на плаву фрегата и около 10—11 часов дня ушли к оставшимся судам своей эскадры.

Очень интересна информация о так называемом «Домике Петра I», перевезенного в музей-заповедник Коломенское из Архангельска. Эти документальные данные позволяют взглянуть в совершенно новом свете на знаменитый экспонат и заявить о том, что домик в Коломенском не является тем, чем его привыкли все считать.

В архиве Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии Наук хранится большой по объему документ «Счетной список городского строения что на Двинке 710 году»⁸, представляющий собой составленный в 1711 г. сводный отчет о расходовании средств и выполненных работах на строительстве Новодвинской крепости в 1710 г.

По поводу этого строения различные сомнения существовали очень давно. До сегодняшнего дня так и не установлена точная дата переноса дома с Маркова острова на форштадт крепости. Принято считать, что это произошло в 1720-е годы. Ни для кого не секрет, что он неоднократно разрушался, горел и перестраивался. В 1770 г. по указанию губернатора Архангелогородской губернии Егора Андреевича Головцына архивариус Иван Устинов разыскивал документы о дворце Петра. Самый старый до-

кумент, который ему удалось обнаружить, относился к 1761 г. и представлял собой дело об «огненном запалении дворца»⁹. В 1769 г. комендант Новодвинской крепости Ганзер в своем доношении пишет о совершенной ветхости дворца и призывает «сохранить остаток сего монумента до позднейших времен человеческого века»¹⁰. И во все последующие годы более ранних документов об этом дворце так и не было обнаружено.

В 1877 г. домик переносят от Новодвинской крепости в Архангельск, а в 1931 г. на него обращает свое внимание П.Д. Барановский, и в 1933 г. его увозят в Москву, где он хранится и поныне.

Теперь о том, что мы смогли узнать из документа 1711 г., каким на самом деле был «дворец Петра», построенный на Марковом острове у Архангелогородской Новодвинской крепости.

Прежде всего нужно сказать, что светлицы, в которых жил Петр в 1702 г., скорее всего не сохранились, так как нам достоверно известно о том, что остров Марков регулярно затапливался полыми водами. Характерно, что на известном чертеже крепости 1706 г.¹¹ на острове Маркове вообще отсутствуют какие-либо строения и даже не обозначена батарея, которая была построена в 1701 г. В то время батарея была обычным земляным фортификационным сооружением, и неудивительно, что она не устояла перед большой водой. Вероятнее всего, и дворец, где жил царь в 1702 г., был полностью разрушен.

В конце 1710 г. на Марковом острове по документам было только одно строение¹² — «Государев двор», именно так называется деревянный царский дворец, возведенный в 1709—1710 гг. Характерно, что государев двор имел ограду — полисад, или, как он называется в «списке», «около саду», и ворота. В разделе списка, посвященном итогам работы кузницы, мы встречаем фразу, подтверждающую, что был построен совершенно новый дворец: «на Государев двор — в **новопостроенные хоромы** (выделено мной. — *И.Г.*), к дверем и к окнам крюков, и петел, и скоб, и гвоздья, и иных поделок»¹³.

Зачем строится новый дворец? В Российском государственном архиве древних актов хранится документ, датированный 1710—1711 гг., озаглавленный «Роспись судам предназначенным

для похода Петра I из Вологды в Архангельск»¹⁴. Сопоставив этот документ с фактом строительства нового «Государева двора», теперь мы можем обоснованно предполагать, что в 1711 г. Петр I собирался в четвертый раз посетить Архангельск. Однако неудачи в Прутском походе против Турции задержали Петра на юге и нарушили его планы. Поездка не состоялась. Но в 1710 г. подготовка идет вовсю: в Вологде формируется большая флотилия — 36 судов, а в Архангельске строится новый дворец.

О размере дворца мы можем судить по некоторым данным, имеющимся в рассматриваемом нами документе. Прежде всего мы можем сделать вывод, что это было как минимум двухэтажное здание, так как в документе мы дважды встречаем упоминания о лестницах в доме: «и по лествицам балясов», а также о большом количестве окон «41 окончина в светлицах» и дверей, поскольку в доме было «10 замков весячих»¹⁵.

О том, что в доме было несколько печей, говорит и большой расход материалов: «проволоки железной к печному и к оконнишному делу на государев ж двор за 3 пуда за 1 фунт за 1 чети по 3 алтына фунт, итого 10 рублей 30 алтын 1 деньга», «глины коломенской для беления печей 8 пуд 15 фунтов на 3 рубли 31 алтын 2 деньги». При этом, по крайней мере, одна большая печь была сложена уже в 1709 году, так как в 1710 г. с поставщиками рассчитались «за 2 заслона железных которые взяты в 709 году рубль 10 алтын»¹⁶.

К сожалению, документы о ходе строительных работ в 1709 году в крепости пока не обнаружены, однако, исходя из имеющейся информации, можно сделать вывод, что сруб был поставлен в 1709 году и тогда же была выполнена часть столярной работы, так как в 1710 году докупается только «11 окончин»¹⁷ из 41. В «счетном списке» за 1710 год есть данные только о пиломатериалах, которыми, вероятнее всего, доделывалась внутренняя планировка и делалась кровля. Об объеме закупленного и использованного материала нам известно, что уплачено в 1710 году «за 577 тесниц, за 333 доски сосновых, за 5 брусом дубовых, за 830 скал по разным ценам 59 рублей 19 алтын деньги. Да за 220 досок ж, за 150 скал, которые взяты в 709 году 7 рублей 6 алтын 4 деньги»¹⁸, которые «все в росходе». Таким образом, только по этому документу мы точно знаем о том, что было

израсходовано более 1100 досок и большое количество бересты, использовавшейся для гидроизоляции кровли, — 980 скал.

Поражает и объем израсходованных красок, закупленных специально для работ на Государеве дворе: «Покупки 710 года 5 пуд 27 фунт масла конопляного, 6 пуд 7 фунт белил, 2 фунта сурику, 2 фунта вохры, 5 фунт 3 чети яри, 13 фунт черни, 2 фунта клею, 2 фунта чернил, 8 боченков сажи. И те краски для крашенья на государеве дворе оконных рам и около саду, и по лестницам балясов все в росходе». Обошлись же эти краски в немалую по тем временам сумму — 21 рубль 12 алтын и 4 деньги¹⁹.

Кроме перечисленных красок, закупленных специально на строительство дворца, при работах могли также применяться и другие краски, использовавшиеся при строительстве в крепости и имевшиеся в наличии, в частности «12 фунт белил, 14 фунт краски лазори, 13 фунт желти травянки» перечисленные в переходящих остатках 1710 года, хранящихся в «в среднем анбаре» на территории крепости²⁰.

Благодаря этому документу нам известно и о том, например, что окна не просто красились, а на них наносились узоры, по крайней мере, было уплачено из казны «за росписку дубовых брусков на оконные рамы на государев двор 4 рубли 9 алтын»²¹.

О том, что к октябрю 1710 г. дом был уже окончательно построен и готов к приему хозяина, говорит множество мелких деталей. Так, например, закуплен и использован «войлок на обколачивание на государевом дворе окон и дверей» и «на завесы к дверям и на балясы единцового сукна», «свеч салных 56 пуд 28 фунт», заготовлены в большом количестве дрова и сено²². А исходя из информации, имеющейся в следующей фразе: «на Государев ж двор окончин, обручей, лопат, метел и к стульному делу лесу, кож, ременья, гвоздья и иных покупок», можно сказать и о том, что была изготовлена даже мебель, тем более что в 1710 г. «работали государеве дворе всякую столярную работу» 22 столяра²³.

Всегда неприятно разрушать красивые легенды. Однако отнюдь не случайно «домика Петра», вывезенного в 1933 г. из Архан-

гельска и ставшего экспонатом в музее-заповеднике «Коломенское», в лучшем случае можно предположить, что это достаточно произвольная реконструкция походных светлиц 1702 г. Петра I, выполненная в ходе различных ремонтных и восстановительных работ из «остатков» государева двора, построенного в 1710 г., и в котором Петр I никогда не бывал.

В музейной экспозиции представлен и ряд новых документов о Георге Резе. Длительное время для рассказа о личности бранденбургского инженера Георга Резе различные авторы в качестве первоисточника использовали исключительно классический труд Ф.Ф. Ласковского «Материалы для истории инженерного искусства в России», который в свою очередь использовал только один документ из фонда «Дела посольск. Приказа в Моск. Главн. Archive», который ныне хранится в Российском государственном архиве древних актов. Однако внимательное изучение безграничных фондов этого выдающегося российского архивохранилища древностей позволило выявить около десятка различных документов, позволяющих получить более подробную информацию об этом выдающемся инженере.

В различных документах, начиная с 1696 г., и в публикациях XIX—XX веков имя и фамилия Резе многократно видоизменялись: Егор, Георгий, Георг, Резен, Реза, Резин, Розен, Ризен, Резайнген и т. д. В подлинных автографах Резе имеются его собственноручные подписи George Ernest Rese Ingen, где последнее слово — сокращение от «ingenieur» — инженер, и породило одну из транскрипций его фамилии.

Воспользуемся всеми доступными на сегодняшний день источниками и постараемся максимально подробно воссоздать биографию инженера.

Георг Эрнест Резе родился в Берлине около 1673 г. в семье учителя гражданских прав Франкфуртской академии. Инженерное образование получил при дворе курфюрстера Бранденбургского у придворного математика Лангефельта и в академии города Диборна. В 1690 г. в возрасте семнадцати лет был взят на службу в армию инженером и участвовал в шести походах объединенной германской армии против Франции.

В феврале 1696 г. вместе с инженером Давидом Генрихом Гольцманом и четырьмя фейерверкерами — «огнестрельными

художниками», будучи старшим в команде, Резе был направлен курфистером Бранденбургским Фридрихом в Россию на службу к русскому царю Петру Алексеевичу. 16 мая 1696 г. вся команда из Москвы была направлена через Воронеж на службу под Азов в «большой полк к боярину воеводе к Алексею Семеновичу Шеину»²⁴. Однако в самом начале службы Резе не повезло. Уже в июле 1696 г. под Азовом «в шанцах», перед самой победой, он был ранен и отослан Шеиным в Москву²⁵.

После излечения от ранения, которое, видимо, было тяжелым, в 1698 г. из Приказа княжества Смоленского Резе послан из Москвы в Смоленск, «и велено ему быть у всяких городских крепостей и у подкопов и ведать ему пушки и всякое ружье и припасы, а с ним у тех дел был пушкарскому голове Веденихту Поливкину и начальным заполочным людям»²⁶.

В 1701 г. «по посланному Великому Государю Указу из Новгородского приказу в Пушкарской приказ велено ис Пушкарского приказа в Новгородской приказ прислать для посылки к Архангелскому городу Брандебурские земли иноземца инженера Егора Резина»²⁷.

20 марта Резе выехал из Москвы, а в конце апреля, по разным источникам 18 или 23 числа, прибыл в Архангельск, где осмотрел избранное инженером Яганом Адлером место для строительства Новодвинской крепости и приступил к руководству строительными работами. 1 мая работы начались, и уже 12 мая Резе составил для Петра I свой первый чертеж крепости с размерами, который был отправлен в Москву с письмом воеводы Прозоровского. Резе живет непосредственно рядом со строящейся крепостью. Теперь нам известно даже, что было «в инженерских хоромх 13 окончин»²⁸.

Несмотря на всю сложность задачи и трудности строительства, у него складываются хорошие отношения не только со стольником Сильвестром Петровичем Иевлевым, поставленным надзирать за строителями и поставщиками, но и с архиепископом Холмогорским и Важским Афанасием, и с воеводой князем Алексеем Петровичем Прозоровским.

В ночь на 25 июня 1701 г. Георг Резе вместе с Сильвестром Иевлевым успешно руководит боем со шведами, по поводу победы в котором Петр I напишет одному из своих ближайших

соратников Ф.А. Апраксину: «Я не мог вашему превосходительству оставить без ведома, что ныне учинилось у города Архангельска зело чудесное... Сим нечаемым счастьем поздравляю вам; где чего не чаяли, Бог дал»²⁹.

В связи с тем что строительные работы на зимнее время прекращаются, Резе выезжает в Москву, где имеет возможность докладывать Петру о реальном ходе работ. Каждый год Резе лично участвует в подготовке строительных смет на очередной этап работ.

На сегодняшний день нам известно, по крайней мере, пять сохранившихся чертежей, выполненных собственноручно Георгом Резе, не считая различных других бумаг.

В 1710 г. Резе руководит строительством государева двора Петра I на Марковом острове под Архангельском у Новодвинской крепости.

Известно, что в 1712 г. Резе обратился с челобитной к Петру I и в правительствующий Сенат по поводу недоплаты ему жалования, в которой он пишет: «В прошлом 1696 году по твоему Великому Государю Указу прислан я от короля Прусского служить тебе Великому Государю инженерскую службу. И ныне я служу тебе Великому Государю у городского дела на ново Двинке»³⁰. По указу Великому Государю недоразумение было улажено.

В 1720 г. Резе вновь укрепляет каменную архангелогородскую крепость, обустривая артиллерийские позиции в башнях, строит земляной шанец, предназначенный под установку пушек и мортир³¹.

О его дальнейшей судьбе нам пока ничего не известно, никаких архивных документов и упоминаний в литературе по последующим годам пока не выявлено.

Среди других интересных находок, относящихся к XIX—XX векам, необходимо прежде всего отметить никогда ранее не публиковавшиеся материалы расследования, проводившегося Российской Императорской археологической комиссией по поводу разрушения и разграбления крепости, и материалы экспедиции академика архитектуры П.П. Покрышкина 1911 г.³²

Также уникален и ранее не публиковавшийся дневник экспедиции П.Д. Барановского³³, раскрывающий историю с вывозом

не только домика Петра из Архангельска в Москву, но и других ценных и уникальных памятников культуры севера.

Таков лишь краткий обзор новых находок, сделанных в российских архивах в истекшем году.

¹ Василий Крестинин. Краткая история о городе Архангельске. СПб., 1792. С. 80.

² Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть 2. СПб., 1861. С. 217.

³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 21—22.

⁴ Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 75—77.

⁵ Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 49—50; Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 110—111; Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 2. Л. 236—237.

⁶ Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 84.

⁷ Там же. Ф. 192. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

⁸ Архив СПбИИРАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 156.

⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8865. Л. 4.

¹⁰ Там же. Ф. 51. Оп. 16. Д. 7. Л. 1.

¹¹ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 22.

¹² Архив СПбИИРАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 156. Л. 42 об.

¹³ Там же. Л. 28 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4959. 1710—1711 гг.

¹⁵ Архив СПбИИРАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 156. Л. 24 об., 31 об., 32, 42 об.

¹⁶ Там же. Л. 24 об., 25 об.

¹⁷ Там же. Л. 32.

¹⁸ Там же. Л. 25.

¹⁹ Там же. Л. 24 об., 31 об.

²⁰ Там же. Л. 39 об.

²¹ Там же. Л. 19 об.

²² Там же. Л. 25 об., 26, 32.

²³ Там же. Л. 19 об., 25 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 107. Л. 18—28.

²⁵ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть 2. СПб., 1861. С. 418.

²⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 10. Л. 1016 об.

²⁷ Там же. Ф. 248. Оп. 1. Д. 10. Л. 1017.

²⁸ Архив СПбИИРАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 156. Л. 42 об.

²⁹ П и Б. Т. 1. № 379. С. 456—457, цитируется по: Тревожные годы Архангельска. 1700—1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск, 1993. С. 106—107.

³⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 10. Л. 1008.

³¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 11. Л. 558—559; Тревожные годы Архангельска. 1700—1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого / Отв. ред. Ю.Н. Беспятых. Архангельск, 1993. № 103. С. 306.

³² Архив Института истории материальной культуры РАН (АИИМК РАН). Ф. 1/1897. Д. 276; Ф. 21. Д. 374. 379.

³³ Государственный научно-исследовательский музей архитектуры (ГНИМА) им. Щусева. Архив П.Д. Барановского. Акт 19. П. 2. Папка 8.